

На правах рукописи

Ахметова Джульета Аминовна

**ОБНОВЛЕНИЕ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В АДЫГЕЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА
(А. ЕВТЫХ «БЫЧЬЯ КРОВЬ», И. МАШБАШ «ХАН-ГИРЕЙ»,
Н. КУЕК «ВИНО МЕРТВЫХ»)**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп 2009

Работа выполнена на кафедрах русской филологии и адыгейской филологии Адыгейского государственного университета

Научные руководители: доктор филологических наук,
профессор
Чамоков Туркубий Нухович

доктор филологических наук
Хачемизова Мира Нуховна

**Официальные
оппоненты:**

доктор филологических наук
Паранук Кутас Нуховна

кандидат филологических наук
Тлепцерше Халид Гиссович

Защита состоится «30» сентября, 2009 года в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.001.02 при Адыгейском государственном университете по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университетская, 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского государственного университета.

Автореферат разослан «30» августа 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

 Т.М. Степанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Роман – один из продуктивно развивающихся жанров в мировой литературе. Каждая социально-историческая и культурная эпоха вносила новые эстетические особенности в его биографию. Этот закон в какой-то степени объединяет романский эпос русской классики, литературы советского периода, многонациональной российской литературы нашего времени. Для романа двух последних десятилетий реальностью стали демократизм и гуманизм художественного творчества, ускорение в нем трансформационных процессов, отражающих перемену идеологических ориентиров и переоценку устоявшихся художественных ценностей. Особую актуальность приобретают проблемы преемственности национальных художественных традиции и новаторства, первые ступени которого – в обновлении эпической традиции и её последующей трансформации.

Взгляд на адыгейский роман в историческом ракурсе позволяет уловить динамику национальной эпической традиции и осмыслить новые эстетические ценности, которые адыгейский роман прибавляет к уже накопленному опыту. Современные исследователи этого жанра (К. Шаззо, Е. Шибинская, Р. Мамий, Т. Чамоков, Х. Тлепцерше, М. Хачемизова, К. Паранук) – отмечают смелое новаторство авторов, многообразие в романе стилевых решений, сопрягающих элементы разных художественных систем (реализм, модернизм, постмодернизм) и создающих новые модификации эпических жанров (мифоэпический, полифункциональный, философский роман в русле магического реализма). Новая наполненность понятия «эпическая традиция» и диалектика её связей с художественным мышлением, как и динамика взаимодействия с законами неизбежного обновления и трансформации стали сегодня предметом интенсивных идеолого-эстетических поисков адыгских литераторов преимущественно в жанре национальной исторической романистики. Этот процесс вписывается в исследование научно-творческой деятельности классиков российской литературы (от М. Горького, М. Шолохова до В. Астафьева, В. Распутина) и обращение к трудам ученых (Л. Чичерин, В. Кожинов, В. Днепроv, М. Кузнецов и др.)

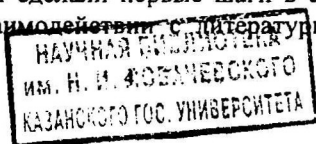
Исследование теории и истории российского и адыгского романов позволило современным ученым (К. Султанову, Ю. Тхагазитову, У. Панешу, К. Паранук, К. Шаззо) сосредоточить особое внимание на модификациях социально-исторического, собственно-исторического романа двух предшествующих периодов развития (20-е – 80-е годы XX в.) и выработать периодизацию эволюции адыгского романа в его

взаимосвязях с фольклором и мифом (современный период). Создана методологическая концепция обновления романного эпоса через собственно-эпический синтез, философизацию прозы, неомифологизм (использование онтологических основ мифа).

Если с точки зрения монографического исследования адыгейские романы современного и предшествующего периода имеют добротную теоретико-эстетическую основу (научные труды К. Шаззо, Р. Мамия, Х. Тлепцерже, Ш. Ергук-Шаззо, К. Паранук), то проблема обновления художественных традиций в современном романе в конкретной динамике жанровых и идейно-эстетических признаков не исследована (за исключением трудов К. Паранук), как новое явление в системе не изучена.

Нам представляется логически обоснованным отбор для исследования трех модификаций современного адыгейского исторического романа, представляющих различные формы обновления эпической традиции, достигнутого на трех разных путях художественного взаимодействия с фольклором, мифом, современными реалистическими традициями и модернистскими приемами. Речь идет о романах А. Евтыха «Бычьа кровь», И. Машбаша «Хан-Гирей», Н. Куёка «Вино мертвых». В этом обращении к своего рода «знаковым» романам и стремлении к изучению на их основе значительной теоретико-философской проблемы заключается **актуальность** данного исследования.

Степень разработанности исследуемой темы. Литературоведческими работами монографического характера, проложившими путь к исследованию по нашей теме, являются труды А.И. Алиевой, Л.А. Бекизовой, К.К. Султанова, А.Х. Мусукаевой, Т.Н. Чамокова, У.М. Панеша, К.Н. Паранук, А.А. Схалыхо, Ю.М. Тхагазитова, А.Х. Хакуашева, М.А. Хакуашевой, Х.Х. Хапсирокова, Р.Х. Хашхожевой, М.Н. Хачемизовой. Научные исследования Р.Г. Мамия интересны монографической полнотой очерков о творчестве А. Евтыха на уровне современного знания о писателе. Книги К.Г. Шаззо и Ш.Е. Ергук-Шаззо, Х.Г. Тлепцерже о творчестве И. Машбаша и его романе «Хан-Гирей», исследования Р. Камбачоковой достаточно исчерпывающе представляют основные стороны художественного новаторства писателя, значение «Хан-Гирея» для адыгской романистики. К.Н. Паранук принадлежит заслуга глубокого монографического исследования прозы Н. Куёка. Среди диссертационных исследований необходимо отметить работы Ф.А. Аутлевой и Н.Х. Хуажевой, посвященные творчеству А. Евтыха. В них авторы сделали первые шаги в сторону осмысления эпоса А. Евтыха во взаимодействии с литературной и фольклорной

традициями. Среди статей, других материалов по отдельным вопросам творчества А. Евтыха, И. Машбаша, Н. Куека следует отметить работы К.Н. Анкудинова, Ф.Н. Хуако, Е. П. Шибинской.

Объект исследования – адыгейский исторический роман последних десятилетий («Бычья кровь» А. Евтыха, «Хан-Гирей» И. Машбаша, «Вино мертвых» Н. Куека).

Предмет исследования – типы художественного сознания, определяющие модификацию, структурно-стилевые доминанты жанра исторического романа: собственно эпический синтез с тенденцией к философизации прозы («Бычья кровь» А. Евтыха), лирико-психологическая ветвь эпической традиции («Хан-Гирей» И. Машбаша), синтез мифоэпического и современного литературного сознания как качества неомифологизма («Вино мертвых» Н. Куека).

Целью предпринятого исследования является изучение идейно-художественных проблем, составляющих понятие эпической традиции и путей ее обновления и трансформации в современном историческом романе.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать способы обновления эпической традиции в романе А. Евтыха «Бычья кровь»;
- изучить своеобразие проявления лирико-психологических и философских тенденций в романе И. Машбаша «Хан-Гирей»;
- рассмотреть особенности взаимодействия повествовательно-изобразительных структур эпоса с фольклором и мифом в романе Н. Куека «Вино мертвых»;
- осмыслить и изложить общую концепцию особенностей обновления эпической традиции в адыгейском историческом романе последних десятилетий.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в реализации идей трансформации и обновления эпической традиции в конкретном научно-художественном анализе современных романов трех модификаций: собственно-философского, лирико-психологического и неомифологического (мифоэпического) романа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эпическая традиция, при всей многозначности этого понятия, применительно к романной эпике обозначает прежде всего прозаическую повествовательность, широту и объемность (многомерность) изображения, т. е. свою специфику времени и пространства.

Движение от фольклорной эпической традиции к литературной связано со значительными процессами обновления и трансформации – как в содержании, так и в форме художественного произведения, которая претерпевает изменения благодаря взаимодействию с фольклором, мифом и литературой.

2. Объективная и субъективная обусловленность данных процессов в настоящее время стала предметом глубокого интереса общероссийской, национальной адыгской литературной науки и художественной практики. Общими усилиями заложена методологическая основа исследования проблемы обновления эпической традиции, причем преимущественное внимание адыгской науки (К. Шаззо, Р. Мамий, Ю. Тхагазитов, Х. Тлепцерже, К. Султанов, К. Паранук, Р. Камбачокова) сосредоточено на исторической романистике.

3. Три этапа развития адыгейского романа в его взаимосвязях с фольклором и мифом в XX столетии нашли знаковые выражения в исторических романах А. Евтыха «Бычья кровь», И. Машбаша «Хан-Гирей» и Н. Куека «Вино мертвых», объединяемых убедительно выраженной тенденцией к обновлению эпической традиции посредством новofункционального использования фольклора и мифа, модернизации литературных изобразительно-выразительных средств.

4. Рассмотрение аспектов обновления эпической традиции в романе А. Евтыха «Бычья кровь» акцентировано на путях и способах философизации быта и бытия человека, среди которых специфичными для А. Евтыха являются новаторское воссоздание многонациональных образов народа и носителей духовности в романе; использование новых средств осмысления истории и революции; символики красного цвета, других мифологем как способов выражения авторской художественной концепции мира и человека.

5. Изучение романа И. Машбаша «Хан-Гирей» позволило рассматривать роман как убедительное проявление новых качеств, синтезирующее новые жанровые лирико-философские тенденции, черты воспитательного романа с социально-историческим анализом эпохи.

Впервые в адыгейской литературе осуществленная художественная реконструкция образа исторического деятеля прошлого в широком историческом и духовном контексте его времени создала для национальной литературы прецедент нового исторического эпоса.

6. Результат исследования романа Н. Куека «Вино мертвых» дает основание квалифицировать произведение Н. Куека как неомифологический эпос в современной адыгейской литературе, о чем

свидетельствуют особенности взаимодействия повествовательно-изобразительных структур литературного эпоса с фольклором и мифом, своеобразный эстетико-онтологический ракурс истолкования истории и современности, философия бытия человека.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования являются научные концепции теоретиков постсоветского и современного исторического романа, а также теоретические положения в работах А. Алиевой, Л. Бекизовой, Р. Камбачоковой, Р. Мамия, У. Панеша, К. Паранук, А. Схалыхо, Х. Тлепцерже, Ю. Тхагазитова, М. Хачемизовой, Т. Чамокова, К. Шаззо, Е. Шибинской.

Методы исследования – сравнительно-исторический, системно-типологический, текстологический.

Теоретическая значимость обусловлена тенденцией системного анализа современных модификаций адыгейского исторического романа, открывающих новые возможности в исследовании национальной психологии и национального менталитета. Результаты исследования в указанных направлениях расширяют теоретические понятия, связанные с обновлением классической романной традиции поэтикой мифа, с трансформацией фольклорных элементов в стиле романа и расширением культурологического контекста, достижением жанрового синкретизма.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов диссертационного исследования при разработке учебных лекций, спецкурсов и спецсеминаров по литературе народов России, в индивидуальной научной деятельности по проблематике, диктуемой потребностями современной гуманитарной науки.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы изложены в докладах и статьях, представленных на научно-практических конференциях (Майкоп, 2001; 2002; 2004; 2007; 2008; 2009; Нальчик, 2003; Краснодар, 2007). Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры адыгейской и русской филологии АГУ.

Структура работы. По своей структуре работа организована в соответствии с поставленной целью и задачами и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень её разработанности, формулируются цель и задачи работы, принципы исследования; определяется степень новизны и практическая значимость исследования. Система основных положений, выносимых на защиту, отражает логику развития научной концепции и отвечает структуре работы.

Введение содержит очерк по теории и истории российского и адыгского романа, периодизацию развития адыгского романа в его взаимосвязях с фольклором и мифом. Охарактеризованы уровни фольклорной ориентации, типы мифологического и литературного сознания, определены современные структурно-стилевые доминанты обновления жанров: собственно-эпический синтез (А. Кешоков), философизация прозы, имеющая два разветвления: лирико-психологическое (И. Машбаш, Т. Адыгов) и собственно-философское (А. Евтых, М. Эльберд), мифо-эпическое (Н. Куёк, Д. Кошубаев, Х. Бештоков, Ю. Чуяко).¹

Таким образом введение выполняет функцию ввода в тему, соединяющего три современных адыгейских романа, воплощающих в разных жанровых модификациях идею коренного обновления эпической традиции: «Бычья кровь» А. Евтыха, «Хан-Гирей» И. Машбаша, «Вино мертвых» Н. Куёка.

Первая глава «Тенденция к философизации адыгейской прозы в романе А. Евтыха «Бычья кровь» – состоит из трех параграфов. В 1.1 излагаются особенности формирования индивидуальной художественной системы в творческой практике А. Евтыха и аспекты обновления эпической традиции в историческом романе «Бычья кровь». В 1.2 внимание сосредоточивается на путях философизации быта и бытия человека посредством новаторского воссоздания портрета народа и образов носителей его духовности, философского осмысления истории, революции и Кавказской войны, новизны художественного решения проблем веры и религии. В 1.3 анализируются символика, мифологемы художественного мира романа и другие способы философизации жанра.

¹Тхагазитов, Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов: (Опыт теоретической истории: эпос, литература, роман) / Ю.М. Тхагазитов. Нальчик, 1996. 256 с.; Паранук К. Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе / К. Н. Паранук. Майкоп, 2006. 312 с.; Шаззо, К.Г. История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3. Творческие искания адыгейских писателей поколения 1980-2000-х годов / К.Г. Шаззо, под ред. Р.Г. Мамия. Майкоп, 2006. С. 385-481.

1.1. Становление индивидуального стиля А. Евтыха осуществлялось на основе формировавшейся романной культуры, традиций устно-поэтического художественного сознания, опыта русской литературы и литературного двуязычия автора. Признаки крепнувшей философской тенденции наметились в романах «Глоток родниковой воды» и «Воз белого камня». Философизация романов А. Евтыха, приведшая к значительному обновлению их эпической первоосновы, связана с диалогией «Баржа» и «Бычья кровь». Последний роман, имеющий в науке статус самостоятельного произведения, демонстрирует признаки традиционного литературного эпоса, подвергнувшегося обновлению по содержательной линии (изменение предмета изображения, типов героев, авторской точки зрения на реальность) и в эстетическом плане (способы психологизма, философизации истории, быта и бытия человека).

1.2. А. Евтых, впервые в адыгейском романе осваивая новую эстетику, избрал философский ракурс изображения истории и народного бытия на Кубани и в Адыгее, осмысливая судьбу своей нации в контексте общенародной и общечеловеческой судьбы (Р. Мамий). Исторический масштаб событий (революция и гражданская война) автор сумел приложить к массовому и индивидуальному герою разных национальностей, создав многомерный портрет современников – участников событий (адыги Аладж и Хатрак Баг, казаки Щербина и Колесников, крестьяне, «иногородние», военные). С движением истории автор выделяет из их образа понятие «народ» с акцентом на народном самосознании. В основе этого нового качества эпичности в романе – трудные поиски героями правды, уважение к толерантности и гуманизму через преодоление насилия и крови, через победу над человеконенавистнической психологией, не всегда уверенную опору на веру в добро. Носители нравственно-философских идей принадлежат как к «верхам», так к «низам» социальной пирамиды адыгско-кубанского общества.

Наиболее художественно разработаны образы носителей духовности (Хаджи Исмель Малах, казак Щербина, крестьянин Хатрак Баг).

Предметом житейского и нравственно-философского осмысления в романе является историческое время, связанное с революцией, началом гражданской войны, Кавказской войной. Именно на их восприятии скрещиваются и политические, и этические оценки власти, свободы, Отечества, нации, веры, добра и милосердия.

В диссертации отмечается особая художественная новизна решения автором мировоззренческих идей. Предмет осмысления, как

правило, подается на уровне конкретики (семейных, бытовых, национально-сословных отношений), за ним следует народно-эпическое осмысление понятий «дом», «земля», «Отечество», «власть», «свобода», «война», «добрососедство» и т. п. И на уровне нравственно-философских обобщений обсуждаются понятия «добро» и «зло», «смысл жизни», «предназначение человека», «вера и религия». Таким образом, нравственно-философские идеи перерастают рамки конкретного дела и обретают общеполитический смысл.

Вместе с тем постижение истинности того или иного философского понятия, как правило, идет традиционным для адыгейского романа путем диалогов – споров героев, но автор избегает публицистически прямолинейного в них участия, взамен включает массовый голос народного мнения. Этот прием придает эпически широкому народному самосознанию новое диалектическое качество: всеобщности – исторической единичности.

Таков в романе «Бычья кровь» философский ракурс анализа эпохальных исторических событий начала XX века и Кавказской войны, проблем веры и религии, личной ответственности человека за свой нравственный выбор. Из массы мыслящих героев автор выделяет своеобразных духовных «идеологов» (Хаджи Исмель Малах, казак Щербина, князь Аладж). Осмысление Кавказской войны поражает своей неожиданностью и художественной правдой благодаря образу старого русского солдата по прозвищу Капказ. Апокалипсическое предвещание гибельности назревающей гражданской войны связано с образом поп-расстриги Иннокентия. Библейским изречением – лейтмотивом романа «Брат на брата пойдет» – автор не только выражает философскую идею брешности всего земного, но и подкрепляет этическим содержанием романа мысль о конечности бездуховного существования человека перед лицом социально-политических катаклизмов, воплощающих конфликт гармонии и хаоса, веры и безверия. Серьезный этический смысл придан Евтыхом и вечной проблеме взаимоотношений религий между собой. Необходимо отметить новизну в постоянном обращении автора к духовно-религиозному аспекту в структуре и содержании романа, в умении представить христианскую и мусульманскую религии, Библию и Коран через восприятие и поведение исповедующих эти религии людей разных национальностей и сословий. То есть речь идет об очень серьезном отношении автора к данной проблеме, полностью исключающей всякое «иллюстративное» введение темы религии, что находит подтверждение в глубокой художественной разработке образа Хаджи Исмеля Малаха.

1.3. Интеллектуальный пласт романа, сильное философское поле жизни героев, рождаемое растущим накалом сложнейших мировоззренческих проблем, жизнь духа, массовое сознание как предмет изображения находят воплощение в абстрактной лексике, народно-поэтической речи, фольклорных и мифологических образах. Сквозная идея крови – насилия, приближающего апокалипсические времена, и надежда на спасение жизни добром воплощается в символике красного цвета (кровавый, революционный, мятежный, гибельный – победоносный). Другие способы философизации жанра, составляющие в романе гибкую систему обновления эпической традиции, – это мифологемы, создающие национальную модель мира: вода и огонь, солнце, заря, горы, лес, деревья, конь, всадник... Их авторская трактовка проецируется на образы людей, природу, сказывается в особенностях мышления героев. Эпический склад авторского повествования, стилизация сказовой речи ряда стариков-адыгов, диалектизмы и идиомы казачьего говора, русский и адыгский фольклор гибко сочетаются с формами литературного психологизма: внутренней речью, несобственно-прямой речью героя, исповедью, медитацией, потоком сознания. Эпическая традиция трансформируется в способах повествования и описания, меняющихся на «перебивку» планов, переносы точек наблюдения, смену объектов размышлений (Р. Мамий), неожиданные ритмико-интонационные переходы и временные смещения. Тем не менее мы разделяем точку зрения К. Султанова о «эстетическом и психологическом единстве», составляющих суть нового романа, каковым является «Бычья кровь» А. Евтыха.

Во второй главе «Своеобразие проявления лирико-психологических и философских тенденций в романе И. Машбаша «Хан-Гирей» – рассуждение построено на результатах изучения аспектов обновления эпической традиции в названном произведении, синтезирующем новые лирико-философские качества в жанровых формах исторического романа и Bildungsromana (романа-воспитания). В трех параграфах рассматриваются вопросы: 2.1 – место романа «Хан-Гирей» в адыгской исторической романистике, оценка личности Хан-Гирея, воссозданной в романе. 2.2 – новизна жанра романа. 2.3 – роль живописания эпохи в художественной реконструкции образа Хан-Гирея.

2.1. Анализ современной научной литературы и публицистики о Хан-Гирее и его времени (М. Аутлев, К. Шаззо, Х. Тлепперше, А. Хакуашев, Х. Хапсириков, Р. Хашхожева) дает основания судить о романе И. Машбаша как произведении, потребовавшем от автора большого

исследовательского и творческого труда. Автору приходилось преодолевать трудности, обусловленные противоречивостью исторической фигуры Хан-Гирея, сложностью его эпохи, неоднозначностью оценок личности и творчества писателя, просветителя, крупного политика. И. Машбаш создал новаторское повествование, занявшее ведущее место в адыгейской исторической романистике.

2.2. Роман «Хан-Гирей» отличается своеобразной композицией: образ героя-выразителя национальной идеи вписан в целый массив историко-художественного повествования, создающего образ времени (начало XIX века). Две обширные первые главы представляются развернутой экспозицией сюжета жизни и дел главного героя – Хан-Гирея Султанова. Фактура произведения свидетельствует о присутствии в историческом повествовании очертаний нового для адыгейской литературы жанра – так называемого «воспитательного романа». И. Машбаш своеобразно преломляет европейскую и русскую традиции этого жанра в истории формирования личности молодого адыга в атмосфере законов «адыгэ хабзэ», правил аталыка Мэрчана и благотельно-строгих уроков бабушки-княгини Канитат, воспитывающих качества адыгской ментальности.

Прослеживание этапов становления личности Хан-Гирея отличается обращением к приемам лирического психологизма.

Тенденции философизации прозы обнаруживаются с первых глав романа в воссоздании духовно-нравственной атмосферы жизни адыгов через их отношение к вопросам власти, независимости, чести, свободы и мужества, через их этикетное поведение, правила воспитания. Формы: размышления, внутренняя и несобственно-прямая речь, диалоги-споры героев, воспоминания и реминисценции, ассоциации с миром природы, одухотворение пейзажей, философская окраска авторского повествования, направленного на осмысливание вечного и мгновенного в человеческой жизни.

В 2.3 излагаются результаты осмысления драматической жизненной судьбы и личности Хан-Гирея, вписанных в историческое изображение эпохи. Её временные – пространственные координаты – 30-40-е годы XIX века, Северный Кавказ, Россия, Санкт-Петербург, Тифлис, Польша. Исторические события – восстание на Сенатской площади, Калаусская битва, русско-персидская война, военные действия в Польше, миротворческая миссия князя Султанова на Кавказе. События вплетены в сеть конфликтов разного плана. Их сердцевина – черкесско-российские отношения, проявляющие свой драматизм на всех уровнях: личностном, семейном, дипломатическом,

общественном. Исторический фон расширяется за счет введения в него фигур реальных разнонациональных персонажей – от черкесских и екатеринодарских «людей власти», до образов царя и его сановников. Особую группу лиц составляют представители духовно-интеллектуального горского и петербургского слоя (Шора Ногмов, Султан Казы-Гирей, Пушкин, Греч, Сенковский). Не все герои точно соответствуют своим реальным прототипам, что является доказательством особой трудности реконструкции исторических персонажей. Образ Хан-Гирея не избежал рецидивов этих трудностей, например, в изображении любовной линии отношений взрослого героя. Зрелый период (петербургская жизнь, два года пребывания на родной земле) – время стабилизации патриотического национального мировоззрения героя через интеллектуальное осмысление черкесской истории и этики, расширение политического кругозора и культуры. В этом процессе много значит литературно-историческая работа Хан-Гирея над «Записками о Черкесии», крепнущая связь с кавказскими российскими писателями, горскими просветителями. Стабилизация мировоззренческих основ духовного мира Хан-Гирея проходила в драматических коллизиях его служебного положения (флигель-адъютант при царском дворе) и недоверия к его деятельности черкесского общества на родине. Все усилия дипломатии Хан-Гирея были направлены на укрепление прочного союза адыгов и русских. Однако ни российская сторона (в лице императора и его окружения), ни адыгская не хотели понять героя, воспринимали как предателя интересов своего народа. Предсмертные слова Хан-Гирея были горькими: «Ни те, ни другие... не поняли». Эта трагедия духа стала причиной ранней смерти героя.

И. Машбаш впервые в адыгской исторической романистике создал художественный образ героя как выдающейся личности с её многогранными человеческими параметрами. Прибегая к принципам образостроения «воспитательного романа», автор не только внимательно следует за знаменательными точками его судьбы, но обращается к психологическим «срезам» внутреннего мира героя посредством его рефлексии, мыслей и размышлений, внутренних диалогов – споров с собой и с собеседниками. Это качество психологизма в таком убедительном многоформатном проявлении держится на идее становления личности незаурядного человека и вписанности её в потенциально конфликтную среду.

Предмет мыслей и рассуждений героя – всегда в центре мировидческих нравственных проблем: прежде всего война и политика вокруг нее и в связи с ней. Человек на войне, восприятие этических

категорий в связи с ментальным и социальным статусом человека. Религия, вера, родина, кодекс чести офицера и солдата; наследственные и сословные законы жизни. Уроки мужества и стоицизма, воспринятые Хан-Гиреем с юности и на всю жизнь. Мысли о культуре и этике человека, о значении родного и иных языков для духовного становления личности. Вопросы к себе: что движет людьми, почему с таким трудом им дается осознание путей к истине и добру? Мысли о конкретных фактах невольно вплетаются в обобщения – о войне, о мире. Важны для понимания высокой духовности Хан-Гирея его выводы: главные противники адыгов и русских – это узконационалистические соображения. Лейтмотив мыслей зрелого героя – необходимо двум враждующим народам предпочесть «союз двух древних народов».

В работе подчеркнуты особенности историзма в изображении героя и его времени в романе «Хан-Гирей»: точность обобщения основных тенденций эпохи; художественность их сопряжения с конкретикой пластичного изображения реальных и вымышленных персонажей; мастерское использование документов времени (умение облекать их в художественно-публицистический стиль и романное изложение); пейзажные картины, их одухотворенный лиризм и символика (Кубань, Черное море, горы), сближающие кавказскую живопись Машбаша с осмыслением природы его современниками и предшественниками (Т. Керашев, А. Евтых). Главное – обновление эпических традиций посредством их обогащения современными художественными приемами автора. Философизация авторского повествования направлена на осмысление вечного и мгновенного в человеческой жизни.

Третья глава «Трансформация эпической традиции в романе Н. Куека «Вино мертвых» – состоит из трех параграфов: 3.1 – новаторские аспекты взаимодействия повествовательно-изобразительных структур лите-ратурного эпоса с фольклором и мифом. 3.2 – духовно-интеллектуальный спектр изображения национального бытия. 3.3 – жанровые и эстетические признаки нового эпоса в романе.

Изложению результатов анализа темы предшествует краткий очерк процесса взаимодействия адыгского романа с национальным фольклором, значение традиций Т. Керашева и новаторских достижений Н. Куека в этом аспекте, их оценки современной наукой (К. Шаззо, К. Паранук, К. Анкудинов).

Сложность и многогранность художественного мира Н. Куека нашла воплощение в поэзии и в повествовательных жанрах. Среди них

повесть «Черная гора» и роман «Вино мертвых» отличаются «сращением сразу нескольких начал в повествовании: лирического, мифологического и подчеркнуто реалистического» (К. Паранук).

В 3.1 сделана попытка доказать усиление философизации в романе «Вино мертвых» как проявление тенденции к трансформации эпического начала, которая сказалась на жанровых и стилевых параметрах романа. Речь идет о новаторских аспектах взаимодействия с фольклором и мифом, повлекшего к полифоничности, историко-философскому содержанию, художественному осмыслению исторического прошлого в планетарном контексте, обновлению идейно-нравственного содержания и новизне разработки характеров. В итоге констатируется движение романа от жанра повести к жанру историко-философского романа с признаками эпопейности.

Анализ первой части романа, в частности эпизодов «Кунтабеш и сын Хаткоесов», «Дэдэр и его сыновья», «Редед», позволяет согласиться с мнением ученых о том, что «эпизоды выстроены на фундаменте мифологии», сюжеты их архетипичны и соответствуют как сюжетам национальной адыгской мифологии, так и общим канонам мирового Мифа» (К. Анкудинов). Однако Куек обращается к нетипичным для прежней литературы приемам творческого переложения фольклорного материала: использование «имен-перевертышей» мифо-эпических героев (Кунтабеш – Шабатнуко, Дэдэр – Редед), иное видение характеров нартских героев, в том числе и женских – светлорукой Адиюх, Гошанды; неэстетичный внешний облик Три-бабушки и др.

В новелле «Хаткое Дэдэр» герой прямо противоположен историческому Редеду, который всеми силами старался предотвратить кровопролитие (эпизод его битвы с Мстиславом) Кровожадная воинственность Дэдэра побуждает старуху Три-бабушки в своём пророчестве предсказать последствия любого насилия и жестокости, передать авторское неприятие войны как таковой, обращаясь то к фольклорным, то к литературным приемам. При создании образа Ляшина в одноименной новелле автор использует приемы устного народного творчества, но вопреки законам сказочного жанра, обеспечивающего полное благополучие героя, Ляшин остается одиноким и нищим вечным странником. Уходя от традиционного образа поэта-философа, автор воссоздает тип Человека, посмеявшегося пойти против традиций своего рода, в котором все были воинами, и получившего прозвище «Сорнячок» (т. е. растение, которое не может быть побеждено человеком).

В 3.2 анализ новелл сосредоточен на рассмотрении духовно-нравственных сторон в изображении национального бытия. Ряд образов

героев подчинен этой авторской задаче. Среди них – образ Ляшина, который появляется не только в эпиграфах, но и почти во всех новеллах, что говорит о неистребимости тех качеств, которыми наделен и этот герой, и весь род Хатов, и целый народ – умение мыслить смело, слышать сердцем, ощущать единство всего сущего на земле. Образ Ляшина оказывается сквозным собирательным образом и внутренним голосом автора, его совестью, воплощением тоски по родине некоторых героев (мамлюк Хаткоес).

В образе Дэдэра подчеркнуто сложное интеллектуальное содержание, что далеко не всегда соответствует фольклорным канонам изображения (внутренний протест против «готовых традиций и законов», осознание горечи отрыва от родины). Вопреки традиционной идеализации воина, отправляющегося на битву с врагами, Куек изображает Дэдэра далеко не безупречным. По мнению Три-бабушки, у него «темное сердце» и «темный ум», символ надежды на внутреннее (духовное) прозрение героя. В отличие от фольклорной традиции, балагур и пьяница Фэнс у Куека воплощает в себе лучшие человеческие качества – толерантность, миролюбие, мудрость, любовь к жизни, веру в ее бесконечность. Имя этого персонажа – перевертыш от слова Сэнэф – «Светлое вино». Фэнс – выразитель идеального мышления – принимать жизнь такой, какова она есть, пить вино жизни до дна, даже после смерти. Вино мертвых – символ вечной повторяемости жизни; мотив восточной поэзии. Вместе с тем автор не всегда нарушает традиционные приемы изображения национального бытия. Об этом свидетельствуют новеллы «Великий князь», «Братья», «Танец Мешвеза».

Тем не менее, как правило, Н. Куек совершенно по-новому подходит к трактовке мифологических персонажей, адыгских традиций, мировоззрения, религиозных представлений – всего, что в адыгейской литературе до него преподносилось как нечто вечно безупречное. Но из этого не следует, что автор ставит под сомнение правильность традиционных воззрений своего народа. Это означает только, что Куек в своем романе доводит до конца глубочайшие противоречия в истории народа и стремится передать в образах героев свое представление о том, как должно жить адыгам. При этом Куеку удастся сочетать традиционные и новаторские методы взаимодействия с фольклором и мифом. Причем последние превалируют над первыми. Этот синтез способствует философизации жизни в романе. Новаторский характер романа проявляется и в том, что художественное осмысление в нем истории своего народа, авторская трактовка извечных вопросов о Добре и Зле, Свете и Мраке, Любви и Ненависти, дружбе и предательстве,

истинном и ложном героизме, войне и мире перерастает рамки узконационального мировидения, доходя до общечеловеческих, даже планетарных масштабов. Так, в новелле «Хаткое Дэдэр» Гошанда предстает как Матерь всех детей Микро- и Макрокосмоса. Размышления Ляшина позволяют говорить о космизме мировидения, адыгского поэта-сказителя. Рассуждения Ляшина и Фэнэса заключают, на наш взгляд, авторскую концепцию всего романа: ни одно из нравственных понятий в очищенном виде не содержит в себе истину. Все они переплетаются друг с другом, и в их единстве и противопоставленности друг другу кроется ответ на вопрос, мучающий автора: почему народ, наделенный такими блистательными качествами, так и не обрел покоя и счастья ни на своей земле, ни на чужбине.

Воплощение идей романа – образы-типы можно разделить на мифологические (Кунтабеш-Шебатнуко, Адиох, Тлепш), исторически реальные (Редед, Мстислав), вымышленные (сыновья Рэдэда, мамлюк Хаткое и др.). Но есть в романе особая группа персонажей – «населники вневременного пространства мифа» (Ляшин, Фэнэс и Трибабушки). Немаловажную роль в романе играют образы-символы (Танцующая гора, Дерево, Зверь, стрела, меч, тень и др.), олицетворяющие то абстрактные понятия, то обобщенные образы Врага. Эпиграфы, изречения, сентенции поэта Ляшина несут значительное нравственное содержание, перекликающееся с реминисценциями из мировой классики. Символы и образ Ляшина – веский аргумент в пользу мысли о высокой степени философизации романа.

В 3.3 содержится рассуждение о жанре «Вина мертвых», который был обозначен автором как «роман в новеллах». На наш взгляд, этому произведению присущи жанровые и эстетические признаки нового эпоса, позволяющие выявить в нем некоторые черты эпопейности. Признаки романа-эпопеи в «Вине мертвых»: объем событий, охватывающих несколько веков и позволяющих автору полно показать судьбы нескольких поколений одного рода (Хаткоесов), а на его фоне изобразить историю адыгского народа. Характерно включение в повествование обширных вставных историй (новелл, из которых, собственно и состоит эта книга), описаний и сцен, драматических диалогов и стихотворных вставок. В мировой литературе попытки воспроизвести монументальные формы в условиях *постантинского* времени позволяли применять термин «эпопея» к произведению, отмеченному обширностью замысла, масштабностью изображения жизни и национально-исторических событий. Однако с середины XIX века монументальность формы всё чаще стала синтезироваться с

погружением в частную жизнь человека, которая составляет сущность классического романа. Образовался новый жанр. Примером является роман-эпопея в русской литературе – «Война и мир» Л. Толстого. Современники Л. Толстого выявляли сходства и различия в способах осуществления масштабных эпических замыслов Бальзаком, Золя, Стендалем и отнюдь не единодушно относили их произведения то к жанру романа-эпопеи, то к серии романов. Споры обострились применительно к произведениям советской литературы – «Хождению по мукам» А. Толстого, «Железному потоку» А. Серафимовича, некоторым романам С. Сергеева-Ценского. Попытка сопоставительного анализа «Войны и мира» и «Вина мертвых» дала следующие результаты. Признаки эпопейности, за исключением пространственно-временной масштабности, по – Л. Толстому, сближают роман Н. Куека с толстовским. Масштабность же в современном литературоведении не считается неотъемлемым условием жанра романа-эпопеи. Далее Н. Куека сближает с автором «Войны и мира» характер обращения к героическому эпосу (в данном случае адыгов) как художественное переосмысливание, а не литературная обработка известных текстов. Доказывает этот факт авторская интерпретация мифологических героев, нередко расходящаяся с оригинальными источниками. Н. Куек не воссоздает летопись жизни адыгов, а пытается передать свое представление об их истории. Включение в образную систему романа поэта-сказителя и мифологических персонажей – еще один показатель его эпопейности.

Другие признаки эпопейности – выражение в «Вине мертвых» коллективных национально-исторических и государственных идей, единство и нерасторжимость Макро- и микрокосмоса (К. Паранук), «равенство сил», воздействующих на происходящие процессы, образующих гармонично звучащую «симфонию»; сказовый стиль повествования в ряде новелл романа.

Таким образом, тезис о наличии в «Вине мертвых» определенных черт эпопейности имеет основания. Следовательно, Н. Куек создал совершенно новую для адыгейской литературы модель историко-философского романа, еще не нашедшую, однако, точного терминологического обозначения.

В **Заключении** приводятся обобщающие результаты исследования, делаются выводы. Вносятся новые аргументы, намечающие перспективы дальнейшей разработки данной темы. Проведенное исследование трех современных адыгейских исторических романов позволяет сопоставить результаты и выделить новизну общего и индивидуального в романах. 1. К общему следует отнести идеи

национального менталитета и общечеловеческого гуманизма в основе художественно-философского ядра, определяющего общую доминанту жанра как исторического романа, но с преобладающими модификациями социально-философского, историко-философского и неомифологического направления. 2. Сближает романы обновление эпической традиции путем дистанцирования от преобладания традиционного эпического повествования, описания и диалога; интерес к диалектике психологического состояния личности героя; обращение к трансформации повествовательных линий через композиционные смещения и перебивку планов, переносы точек наблюдения и др. 3. Соответственно есть близость в обновлении способов художественной выразительности, в неожиданных ритмико-интонационных переходах, смещениях во времени и пространстве, аритмии сюжетного движения и т. п.

Уровень, степень и мотивы востребованности новизны и форм её проявления разнятся у каждого романиста.

1. Так, авторы «Бычьей крови» и «Хан-Гирея» расширили эпическую основу исторического романа, прибегнув к психологизму в современных формах его выражения; вместе с использованием исторических документов создали «документы» человеческой судьбы, проведя реконструкцию образов Щербины, Хан-Гирея, Сафербия Зана, литераторов горского и русского окружения Хан-Гирея. Автор романа «Вино мертвых» пошел для решения исторической темы по дорогам возрождения исторического мифа.

2. Особенности художественной индивидуальности каждого из авторов романов продиктованы нравственно-философскими идеями национального и общечеловеческого гуманизма. В «Бычьей крови» «народное сознание – сердцевина художественной концепции мира и человека» (Н. Хуажева); в «Хан-Гирее» единство целостного художественного мира – «главная философская опора всей новаторской структуры произведения» (К. Шаззо); в романе «Вино мертвых» «национальная история адыгов предстала как единое повествование, в котором сопрягаются прошлое, настоящее и будущее адыгов» (К. Паранук). Таким образом, все три автора идут к утверждению целостности и единства адыгского народа, найдя для разработки актуальной проблематики новаторские художественные способы, создав современные произведения.

Мы остановились на трех современных исторических романах как знаковых в системе адыгейской романистики рубежа XX-XXI вв.: в них ярко запечатлены признаки идущих процессов обновления эпоса, они типологически родственны по ряду серьезных сходжений с другими

новыми романами в адыгской, российской и мировой литературах. Это прежде всего романы Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке» и «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой», романы И. Машбаша «Адыги» и «Рэдэд», повесть Н. Куёка «Черная гора», романы Д. Бештокова, Д. Кошубаева.

Творчество ярких представителей современных направлений мировой и отечественной литературы (Г.Г. Маркес, Х. Кортасар, Х. Борхес, П. Козльо, Д. Зантариа, Ч. Айтматов, А. Ким, В. Пелевин, Г. Матевосян, В. Маканин, В. Распутин, Ю. Кузнецов, А. Вознесенский и др.) свидетельствует об интенсивности процесса обновления традиционного эпоса и возникновении на этой почве линий, связанных с реализмом (магический реализм, новейший реализм), модернизмом (постмодернизм, минимализм) и мифологизмом (синкретический мифологизм, новомифологический роман) и др. Серьезное погружение литераторов в духовно-художественные глубины зарубежного эпоса адыгской диаспоры (А. Мидхат, М. Кандур, К. Натхо, О. Челик) обогащает тот историко-эстетический опыт, что становится драгоценным источником постижения мира в масштабе всечеловеческой жизни, возвращая и охраняя её интеллектуальные и нравственные богатства.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

I.

Ведущий рецензируемый журнал, рекомендованный ВАК:

1. Ахметова Д. А. Об адыгейской романистике 90-х годов XX века // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2007. – № 3 (22). – С. 93-94.
2. Ахметова Д. А. Обновление эпических традиций в современном адыгейском романе («Бычья кровь» А. Евтыха) // Вестник АГУ. – Майкоп, 2009. Выпуск № 3 (46). – С. 13-17.

II.

3. Мерзаканова Д. А. К творчеству Аскера Евтыха // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. (Материалы конференции) - Майкоп, 2001. – С. 119-120.
4. Мерзаканова Д. А. О повести С. Панеша «Зеркало треснуло» // Материалы научной конференции молодых ученых и аспирантов «Наука – 2» – Майкоп, 2002. – С. 243-245.
5. Мерзаканова Д. А. Адыгейский роман 80-2000-х годов (тенденции и ориентиры развития) // Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Перспектива – 2003», – Нальчик, 2003, том II. – С. 84-86.

6. Ахметова Д. А. О жанровом своеобразии современного романа в адыгейской литературе // Материалы научной конференции молодых ученых АГУ Наука. Образование. Молодежь. – Майкоп, 2004, том II. – С. 92-95.
7. Ахметова Д. А. Жанрово-стилевые особенности романа Аскера Евтыха «Бычья кровь» // Материалы IV Всероссийской конференции молодых ученых АГУ Наука. Образование. Молодежь. – Майкоп, 2007, том II. – С. 42-44.
8. Ахметова Д. А. Постмодернизм и адыгейский роман // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. (Материалы конференции) – Майкоп, 2008. – С. 41-43.
9. Ахметова Д. А. Некоторые мысли о состоянии современного адыгейского романа // Научное издание «Псаль» («Слово») № 5 (8) (на адыгейском языке) - Майкоп, 2008. – С. 97-102.

Ахметова Джульета Аминовна

**ОБНОВЛЕНИЕ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В АДЫГЕЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА
(А. ЕВТЫХ «БЫЧЬЯ КРОВЬ», И. МАШБАШ «ХАН-ГИРЕЙ»,
Н. КУЕК «ВИНО МЕРТВЫХ»)**

Автореферат

Подписано в печать 27.08.09. Бумага типографская №1. Формат бумаги 60х84. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 092.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии Адыгейского государственного университета 385000, г. Майкоп, ул.Первомайская, 208.

102